

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИДЕРОВ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В. В. Вострикова

Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал в г. Орле)

Поступила в редакцию 23 июня 2011 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние общественно-политической мысли России на формирование мировоззрения идеологов отечественного либерализма начала XX в., выразившееся, прежде всего, в продолжении неолiberaлами гуманистической и нравственной традиций анализа общественных проблем.

Ключевые слова: либерализм, общественно-политическая мысль, западничество, славянофильство, гуманизм, нравственность.

Abstract: this article considers the influence of socio-political thought of Russia on the formation of national liberalism's ideologues of the beginning of the XX century, expressed, primarily, in the continuation of neo-liberals humanistic and moral traditions of the analysis of social problems.

Key words: liberalism, social-political thought, Westernism, Slavophilism, humanism, morality.

Смена идеологической парадигмы и вектора исторического развития постсоветской России стимулировала профессиональный и общественный интерес к либеральной модели переустройства страны, разработанной в начале XX в., но по ряду причин не получившей тогда практической реализации. Стремление к всестороннему, объективному переосмыслению сущности данной модели неизбежно предполагает анализ факторов, повлиявших на формирование мировоззренческих установок ее создателей.

Данная статья посвящена проблеме воздействия на мировоззренческое становление идеологов нового либерализма одного из таких факторов – общественно-политической мысли России. Эта тема еще не стала объектом самостоятельного исследования, в современной историографии изучены лишь отдельные ее составляющие [1, 2]. В ряду последних трудно переоценить воздействие на интеллектуальное и нравственное развитие будущих либералов их современников и одновременно представителей отечественной общественно-политической мысли – В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В частности, для Е. Н. Трубецкого В. С. Соловьев был «тем центром, из которого исходили все умственные задачи, философские и религиозные» [3, с. 169]. Е. Н. Трубецкой с восторгом принял идею философа о синтезе веры и знания как основу своей «личной умственной деятельности» [3, с. 135]. Под влиянием

В. С. Соловьева Е. Н. Трубецкой пришел к проповеди нравственной политики, основанной на христианской этике. П. Б. Струве творчество В. С. Соловьева стимулировало к осмыслению этических проблем, что в значительной степени предрешило его отход от позитивизма [4, с. 415]. В воззрениях П. И. Новгородцева этическая составляющая стала доминантной также во многом под влиянием В. С. Соловьева, что позволяет говорить об определенной преемственности идей двух мыслителей.

Несомненно также воздействие идей В. С. Соловьева в плане разработки неолiberaлами «права на достойное существование» (философ высказал эту мысль в этико-христианской форме – всякий человек как образ и подобие Божества имеет право на достойное существование), а также понимания государства не только как властного института, но и сообщества граждан, объединенных нравственной солидарностью. Рассмотрение В. С. Соловьевым неправомерного закона как фактически «неправа» стало основой доктрины возрожденного естественного права.

Духовное влияние Ф. М. Достоевского, по воспоминаниям Е. Н. Трубецкого, достигло апогея на рубеже 70–80-х г. XIX в., когда в «Русском вестнике» печатался роман «Братья Карамазовы». Для Е. Н. Трубецкого знакомство с творчеством Ф. М. Достоевского послужило дополнительным импульсом к духовно-нравственным поискам, своеобразной отправной точкой которых была обозначенная писателем дилемма «Или Бог есть, или жить не стоит». Перед менее

религиозно настроенными будущими единомышленниками Е. Н. Трубецкого проблема стояла, скорее всего, в несколько иной плоскости, но Ф. М. Достоевский, несомненно, заставил их задуматься над границами допустимого и недопустимого, дозволенного и недозволенного, что, собственно, и формировало систему нравственных ценностей.

Своим наставником считал Ф. М. Достоевского С. И. Гессен, называя произведения великого писателя «учебниками жизни» [5, с. 5–6].

Трудно переоценить нравственное влияние на будущих либералов Л. Н. Толстого. В частности, он был нравственным авторитетом для В. А. Маклакова, познакомившегося с великим писателем в студенческие годы и долгое время поддерживавшего с ним дружеские отношения. Проповедь Л. Н. Толстого, указывая либерал, «напомнила людям о самостоятельной силе добра», задев такие мотивы в человеческих душах, которые истребить невозможно [6, с. 49]. Именно «сила добра» привлекала и самого В. А. Маклакова. Во многом благодаря влиянию писателя либерал утвердился в неприятии насилия в любых его формах, будь то война, революция либо смертная казнь, хотя отрицательного отношения Л. Н. Толстого к участию в политике он не принял. Более того, как отмечал Г. Адамович, В. А. Маклаков ясно отдавал себе отчет в практической неосуществимости многих толстовских идей, в чем имел возможность убедиться на примере колонии М. А. Новоселова, не просуществовавшей и двух лет и разграбленной проживавшими по соседству крестьянами [7, с. 88]. Далекий от народнической идеализации крестьянства уже в юности, В. А. Маклаков глубочайшей ошибкой толстовцев считал попытку построить «идеальное общежитие» без участия государства, на основе отрицания последнего как враждебной для народа силы.

Искреннее, глубокое уважение к Л. Н. Толстому питали М. М. Ковалевский и Д. Н. Шипов. Последний признавался, что во многом обязан Л. Н. Толстому своим жизнепониманием. «Проповедь Толстого, – писал Д. Н. Шипов М. В. Челнокову уже в зрелом возрасте, – поселила во мне вполне определенное, ясное убеждение, что смысл всей нашей жизни заключается в том, чтобы всеми нашими силами содействовать возможному осуществлению Царствия Божия на земле и что единственный путь для этого заключается в законе любви, данным нам Пославшим нас в мир. Мне стало ясно, что тот путь, которым стремится осуществить общее благо социализм, рационализм и так называемая европейская культура, путь не верный, т.к. в основе его лежит не христианская любовь, побуждающая к самопожертвованию, а стремление к справедливости и к охране прав» [8, л. 16–16 об.]. Таким образом, во многом под воздействием Л. Н. Тол-

стого у Д. Н. Шипова сложилось специфическое понимание роли права в общественной жизни, утвердилась мысль о приоритете нравственных начал над правовыми.

Однако Д. Н. Шипов так же, как В. А. Маклаков, М. М. Ковалевский, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев и др., не разделял отрицательного отношения великого писателя к участию в общественно-политической жизни, считая внутреннее нравственное совершенствование личности необходимым, но не достаточным средством для усовершенствования общества. «Признавая первенствующее значение для человека за внутренним устройством личности и разделяя убеждение, что никакой действительный прогресс в судьбе человечества не мыслим, пока не произойдет необходимой перемены в основном строе образа мыслей большинства людей, – писал Д. Н. Шипов, – я в то же время держусь убеждения, что усовершенствование основ и форм социальной жизни является необходимым условием для постепенного осуществления на земле идеала христианского учения» [9, с. 39]. По глубокому убеждению либерала, религиозно-нравственное устройство личности и улучшение условий общественной жизни не только не исключали друг друга, но выступали двумя необходимыми, взаимосвязанными условиями общественного прогресса. Как отмечает С. В. Шелохаев, идея гармоничного развития духовной и общественной сфер жизни являлась у Д. Н. Шипова базовой для конструирования «идеального» варианта общественно-политического устройства [10, с. 19].

По П. И. Новгородцеву, «бесконечно важно и необходимо говорить о значении совершенствования лиц для общественного прогресса, но преувеличением является утверждение, что в основу политики должна быть положена не идея внешнего устройства, а идея внутреннего совершенствования» [11, с. 195], поскольку в истории последнее всегда было и будет уделом немногих.

М. М. Ковалевский, полемизируя с Л. Н. Толстым, писал: «История рассудит, кто из нас прав, кто виноват, кто вернее всего оценил требования времени и неизменные законы общественного развития. Ведь народ воспитывался и переменой учреждений, а не одной нравственной проповедью» [12, с. 2].

Вместе с тем нравственная составляющая учения Л. Н. Толстого оказала огромное воздействие на ценностные ориентации будущих либералов, отразившись, прежде всего, в их подходе к разрешению проблемы соотношения политики и морали. Либералы видели в Л. Н. Толстом «одного из духовных вождей человечества», союзника в деле становления общественной нравственности в России [13, с. 5].

Помимо духовно-нравственных поисков Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев побуждали

будущих либералов к размышлениям об историческом пути России, ее месте в мировой истории. В этом плане серьезное влияние на выработку либералами начала XX в. собственной позиции оказали идеи западников и славянофилов, знакомство с которыми происходило под воздействием семейного окружения, самостоятельного изучения философских и публицистических сочинений представителей двух общественно-политических течений. И уже в юношеские годы подавляющее большинство будущих идеологов отечественного либерализма стало на позиции западничества, утвердившись в мысли, что величие России невозможно без восприятия достижений западной цивилизации, сумевшей воплотить элементарные правила человеческого общежития в нормы государственной жизни, создать правовое государство, обеспечивающее наиболее гуманные условия для развития личности. В частности, П. Н. Милюков в воспоминаниях отмечал, что в студенческие годы у него, хотя и не была еще «наготове... формула: Россия есть тоже Европа. Но все мысли шли в этом направлении» [14, с. 89].

Восприятие достижений Запада, с точки зрения идеологов нового либерализма, должно было органически сочетаться с российской спецификой, более того, способствовать максимальному раскрытию потенциала нации. Как пояснял П. Н. Милюков, «современное “западничество” не есть ни отрицание русского своеобразия, ни преклонение перед заимствованием чужого. Оно есть утверждение того факта, что Россия своеобразно развивается в пределах европейской семьи, члены которой, при общем фамильном сходстве, все также своеобразны и неповторяемы» [15, л. 56].

Либералы-западники предостерегали от преувеличения самобытности России, полагая, что речь должна идти не об особом пути, а о стадийном отставании от передовых западных стран. По мнению П. Н. Милюкова, утверждение своеобразия русского исторического процесса вовсе не означает признания России замкнутым в себе, неразложимым и неизменным культурно-историческим типом [16, с. 37].

Либералы-западники отмечали способность перерастания идеи самобытности России в славянофильской интерпретации в откровенный национализм. «Национальная идея старого славянофильства, лишённая своей гуманитарной подкладки, естественно превратилась в систему национального эгоизма, а из последней столь же естественно была выведена теория реакционного обскурантизма...», – писал П. Н. Милюков. – Наши националисты слишком часто заставляли нас ходить на четвереньках, чтобы мы не казались подражателями двуногих. Нас действительно хотели противопоставить остальным двуногим, как особый “план организации”, чуть ли не как особый зоологический тип» [17, с. 290–291].

Несогласие либералов начала XX в. вызывал тезис К. С. Аксакова о «негосударственности» русского народа, который по доброй воле отделил от себя государственный элемент и предоставил ему неограниченные полномочия, оставив себе нравственную свободу, «силу мнения». Следствием этого у К. С. Аксакова был вывод о ненужности политических прав для русского народа. П. И. Новгородцев соглашался с утверждением В. С. Соловьева о том, что тезис К. С. Аксакова не может быть доказан исторически. Более того, нравственная свобода, требуемая славянофилами для народа, без должных гарантий со стороны права и государства, оказывается фикцией, а идея «взаимного невмешательства», устанавливающая идеальные отношения между властью и народом, основанные на принципе доверия, по сути дела упраздняет саму проблему правового регулирования и поэтому должна быть признана утопичной [1, с. 26].

Можно утверждать, что отличительной особенностью мировосприятия большинства идеологов нового либерализма было стремление к сочетанию западных и славянофильских формул. Об этом недвусмысленно писал П. Н. Милюков в предисловии к «Очеркам русской культуры»: «В борьбе между двумя противоположными конструкциями русской истории, из которых одна выдвигала вперед сходство русского процесса с европейским, доводя это сходство до тождества, а другая доказывала русское своеобразие, доводя это своеобразие до полной несравнимости и исключительности, автор занимал примирительное положение. Он строил русский исторический процесс на синтезе обеих черт, сходства и своеобразия» [16, с. 61]. Более того, подчеркивал либерал, только на основе такого синтеза может быть разрешен вопрос о месте России во всемирно-историческом процессе [16, с. 63].

Вместе с тем некоторые либеральные идеологи, прежде всего Д. Н. Шипов и В. И. Герье, достаточно критично относились к западничеству, указывая, что представители этого течения часто не отдавали себе отчета в том, насколько их идеалы пригодны для России [18, с. 3]. Однако одновременно либералы были далеки и от идеализации классического славянофильства XIX в., ибо от него, по выражению В. И. Герье, «веяло стариной и застоём» [18, с. 5]. Как отмечает С. В. Шелохаев, Д. Н. Шипов, относясь с глубоким уважением к славянофильскому учению, имеющему в своем основании сознание религиозно-нравственного долга, лежащего на людях, и высоко ценя таких его представителей, как И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, содействовавших уяснению в общественном сознании значения внутреннего устройства личности, не вполне разделял отношение славянофилов к лозунгу «Православие. Самодержавие. Народность». В отличие от славяно-

филов, признающих Божественное происхождение самодержавной власти, Д. Н. Шипов усматривал в самодержавии прежде всего «идею союза и взаимодействия власти с народом» на основе их морально-нравственной солидарности [10, с. 29].

Вероятно, можно согласиться с позицией ряда современных исследователей, причисляющих В. И. Герье и Д. Н. Шипова к позднему славянофильству (неославянофильству), ибо понимание либералами славянофильских идей применительно к началу XX в. перекликается с мнением одного из идеологов неославянофильства А. А. Киреева, выступавшего не столько за переосмысление интеллектуального опыта А. С. Хомякова и И. С. Аксакова, сколько за его конкретизацию в соответствии с запросами времени [19, с. 251].

Связь с интеллектуальной традицией славянофильства проявлялась у либералов в отстаивании преобладания в общественной жизни этического элемента над юридическим, что сказалось на их позиции в отношении государства, права, методов правового регулирования. Либералы-неославянофилы давали специфическую оценку роли монархии в истории страны, настаивая, что никакое иное государство, чем Россия, не имело такого явно монархического начала: именно с появлением князя Русь стала государством, восстановлением царской власти обуславливалось освобождение страны в эпоху Смуты. Более того, историческим уделом России они провозглашали сильную монархическую власть, именуя такой тип монархии самодержавием. На основании этого утверждалось, что «политический прогресс должен иметь в России национальный характер, и... русский народ должен осуществлять свой исторический завет в союзе с царской властью, а не упразднением ее» [18, с. 5–6]. Данная позиция во многом предопределила умеренность политической программы В. И. Герье и Д. Н. Шипова.

Через увлечение славянофильством прошел П. Б. Струве. В 14-летнем возрасте в своем дневнике он признавался: «...Я имею сложившиеся политические убеждения, я последователь Аксакова, Юрия Самарина и всей блестящей фаланги славянофилов. Я – национал-либерал, либерал почвы и либерал земли. Лозунг мой – самодержавие. Но у меня есть еще лозунг: долой бюрократию и да здравствует народное представительство с правом совещания (право решения принадлежит самодержцу)» [20, л. 3–4]. Со временем П. Б. Струве стал последовательным западником, однако без учета его былой приверженности славянофильству невозможно понять специфику восприятия им либеральных ценностей. Это отмечает Р. Пайпс. «Мировоззрение Аксакова, его уникальная консервативно-либерально-националистическая идеология, – пишет американский исследова-

тель, – действительно дают ключ к самым глубоким тайнам политического мышления Струве» [4, с. 34].

Другой американский историк Г. Фишер на основании преобладания западнического либо славянофильского элементов в мировоззрении либералов предлагает выделять в российском либерализме соответствующие течения, отличавшиеся степенью радикализации их программ. Славянофильское течение, по мнению Г. Фишера, склонялось к идее борьбы за права человека при сохранении существующего авторитарного режима путем постепенного расширения местного самоуправления, реформ, культуры населения. Оно было представлено земцами во главе с Д. Н. Шиповым. Западническое направление – конституционалисты, стремилось получить от самодержавия больше и добиться этого быстрее. Его приверженцы делали ставку на конституцию, суверенный парламент, приоритет законов над индивидуальной волей, а в земстве видели здание, которое должно увенчаться парламентской крышей [2, с. 108].

Западническая ориентация была одним из факторов, обусловивших неприятие либералами народничества. Как вспоминал С. Л. Франк, П. Б. Струве выступал против ставки народников «на русскую отсталость и некультурность как залога, что России удастся избежать трагических социальных трудностей западноевропейского... капиталистического строя... Культу «мужика», культу отсталости и примитивности... он решительно противопоставлял... призыв к культуре, возможной только через “выучку у капитализма”» [21, с. 484]. П. Н. Миллюков, рисуя в «Очерках русской культуры» «картину крайней отсталости и элементарности русского исторического процесса», доказывал, что она сама по себе является опровержением «горделивой надежды» народников на то, «что русский народ станет во главе цивилизации и скажет обветшалому миру свое мистическое “новое слово”» [16, с. 37]. Помимо этого, для либералов, исходивших из самоценности личности, был неприемлем призыв народников к интеллигенции пожертвовать своими правами во имя «народного счастья».

Следует отметить, что, критикуя народничество, неолибералы не столь однозначно относились к взглядам А. И. Герцена, оказавшего серьезное влияние на становление народнической идеологии. Причиной этого является многоплановость теоретического наследия выдающегося отечественного мыслителя XIX в. Наряду с социалистическими идеями в мировоззрении А. И. Герцена не сложно найти теоретические положения, вполне созвучные либеральной доктрине. Эта мысль проводится и зарубежными, и отечественными исследователями. Так, Исая Берлин, сравнив взгляды А. И. Герцена и одного из основоположников классического либерализма Д. Милля, обратил внимание на то, что оба мыслителя по-

ставили свободу личности в центр своего «социального или политического учения, для них это святая святых, без нее лишается смысла вся остальная деятельность» [22, с. 126].

Из идеологов нового либерализма наиболее значимую роль в становлении своего мировоззрения А. И. Герцену отводил И. И. Петрункевич, указывавший, что статьи А. И. Герцена определили его «направление в вопросах политических и социальных» [23, с. 15]. Обучаясь в Киевском кадетском корпусе, И. И. Петрункевич зачитывался запрещенными журналами «Полярная звезда» и «Колокол». В эмиграции он напишет: «С тех пор прошло уже более 60 лет, но я до сих пор считаю Герцена своим руководителем. Разумеется, я следую за ним не слепо, а критически... Герцен был не только великим политическим мыслителем и деятелем, он был великим русским патриотом и гуманистом» [24, с. 274]. К наследию А. И. Герцена апеллировали П. Н. Милуков и П. Б. Струве.

Обозначая А. И. Герцена в качестве своего идейного предшественника, либералы, в данном случае, кадеты, наряду с его положением о свободе личности, имели в виду демократические идеи писателя, поскольку представители этого сегмента либерального спектра неизменно подчеркивали, что их либерализм носит демократический характер.

На формирование мировоззренческих установок идеологов нового либерализма, несомненно, оказали воздействие взгляды их предшественников – либералов XIX столетия – Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, хотя степень этого влияния была различной. Так, В. И. Герье, знавший Б. Н. Чичерина лично, считал его своим наставником в политических вопросах. Однако В. И. Герье был значительно старше тех персонажей нового либерализма, вместе с которыми ему довелось участвовать в формировании программы и тактики либерального движения на рубеже XIX–XX вв., период его взросления совпал с периодом активности либералов предшествующей генерации. Из более молодых соратников В. И. Герье только П. Б. Струве отмечал, что он сам пришел к мировоззрению, близкому к взглядам Б. Н. Чичерина, особо подчеркивая гармоничность сочетания у своего идейного предшественника «мотивов либерализма и консерватизма», характерную и для самого П. Б. Струве [25, с. 455–456]. Помимо этого, Б. Н. Чичерин был близок П. Б. Струве тем, что также претерпел сложную идейную эволюцию. «Чичерин... ценен именно как образец коренной ломки убеждений... – писал П. Б. Струве. – Начав с культа государства и власти... Чичерин закончил культом личности и свободы» [26, с. 276]. Из этой общей эволюции взглядов Б. Н. Чичерина, по мнению П. Б. Струве, вытекали частные перемены огромной важности: из сторонника подавляющей государственной власти в России, защитни-

ка самодержавия и сословного строя Б. Н. Чичерин под конец жизни превратился в их решительного врага.

Большинство же идеологов нового либерализма, мировоззренческое становление которых происходило в пореформенный период, уважительно относились к либералам XIX в., но своими учителями их не считали. Показательно, что, вспоминая личную встречу с Б. Н. Чичериным в период своего студенчества, Е. Н. Трубецкой, тогда симпатизировавший славянофилам, отмечал, что о влиянии тут не могло быть и речи вследствие «диаметральной противоположности в мировоззрениях и в умственном складе» [3, с. 169]. И хотя позже славянофильская позиция Е. Н. Трубецкого претерпела значительные изменения, Б. Н. Чичерин остался для него «историей» либерализма.

По мнению Г. В. Флоровского, близко подошел в своем духовном развитии «к замечательному русскому идеалисту Б. Н. Чичерину» П. И. Новгородцев. «Через Чичерина он приобщается к традициям немецкого философского идеализма. У Чичерина он заимствует определение области нравственного как “царства лиц как таковых”» [27, с. 215–216].

Сам П. И. Новгородцев характеризовал Б. Н. Чичерина как «одного из лучших вождей мысли, одного из самых стойких поборников свободы и права», «представителя гуманных и прогрессивных начал гражданственности», акцентируя внимание на идеях Б. Н. Чичерина, созвучных его собственной позиции [28, с. 575]. В частности, П. И. Новгородцев подчеркивал, что либерал XIX в. был решительным врагом «стеснительных политических мер и непрерывной опеки над обществом», отстаивая мысль о том, что «истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал, а в правильном сочетании свободы с законным порядком» [28, с. 576]. Близка была П. И. Новгородцеву и философская позиция Б. Н. Чичерина, «включавшая в себя требование, чтобы идеальные начала оправдывались опытом действительности и чтобы действительность освещалась и руководилась светом философских начал», откуда, с точки зрения нового либерала, проистекал интерес Б. Н. Чичерина к теоретической разработке юридических и политических вопросов [28, с. 578].

Вместе с тем новые либералы не могли удовлетвориться «охранительным либерализмом» Б. Н. Чичерина, выглядевшим в пореформенную эпоху слишком консервативным [28, с. 575]. М. М. Ковалевский даже назвал Б. Н. Чичерина «лжелибералом» [29, с. 21]. Вспоминая о своих попытках ознакомления с «Историей политических учений» Б. Н. Чичерина, он писал, что «этого искуса... не выдержал», «Чичерин, при всей своей добросовестности, нестерпим, особенно для начинающего, нестерпим, прежде всего

тем, что не приводит излагаемые им учения в связь с той исторической обстановкой, среди которой они возникли, а затем потому, что руководствуется совершенно априорным представлением, будто эти учения должны чередоваться в известном порядке. Тогда как один писатель, по его мнению, из всех элементов государственности оттеняет более всего элемент власти, следующий за ним непременно подчеркивает значение свободы, затем необходимо появляется 3-й, ставящий выше всего закон, и цикл заканчивается 4-м, для которого руководящей нитью является общая цель государства. Завершился этот цикл, и он возобновляется снова в той же последовательности, и так – из поколения в поколение» [30, с. 98–99].

Социальным установкам нового либерализма противоречил последовательный экономический либерализм чичеринского типа.

Кроме того, для представителей радикального крыла нового либерализма неприемлем был антидемократизм Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина. Как известно, первый солидаризировался с мнением А. Токвиля о демократии как «господстве посредственности». Б. Н. Чичерин никак не мог согласиться с той мыслью, что народ, образовательный уровень которого намного ниже, чем у образованной, но малочисленной части общества, будет диктовать последней свои условия, ибо это чревато «разладом умственных сил и понижением умственного уровня» [31, с. 278]. К. Д. Кавелин не видел исторической почвы для демократии в России, исходя из тезиса о том, что демократия существует там, где народная масса представляет собой самостоятельную политическую силу [32, с. 579]. С. А. Котляревский, возражая, утверждал, что демократическая идея, напротив, неразрывно связана с общественным правосознанием, ибо последнее всегда содержало протест против угнетения одних другими, против сословного и классового неравенства», а потому «...конституционализм в России может иметь под собой почву лишь тогда, когда будет действительно демократическим» [33, с. 11].

Помимо Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина на идейное формирование неолибералов оказала влияние позиция авторов журналов «Вестник Европы» и «Русская мысль», отражавшая взгляды представителей пореформенного либерализма. В частности, П. Б. Струве указывал, что в 80-е гг. XIX в. он «черпал свое либеральное вдохновение» из «Вестника Европы» и встреч в литературном салоне одного из его авторов – К. К. Арсеньева. Признание этого содержится в послании П. Б. Струве последнему по случаю его литературного юбилея. «Я хотел сказать Вам, – писал П. Б. Струве, – сколь многим обязан я Вам, в своем политическом развитии и лично и как представитель той части русской молодежи, которая в 80-е и 90-е годы многому училась из Вестн. Европы» [4, с. 43].

В отличие от Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, сочетавших экономический либерализм и политический консерватизм, авторы журналов (К. К. Арсеньев, В. А. Гольцев, И. И. Иванюков, М. М. Стасюлевич) пропагандировали принцип «экономической свободы» в связи с принципом политической свободы. Анализируя позицию К. К. Арсеньева, В. М. Гессен отмечал, что для нее было характерно «...сочетание интенсивного стремления к политической свободе с не менее интенсивным стремлением к социальной реформе» [34, с. 15]. В журналах четко проводилась идея ограничения самодержавия законом, введения правового порядка, показывалась значимость политических форм (конституционализм, парламентаризм) для реформирования общества.

Подводя итог, следует отметить, что либералы начала XX в. восприняли и развили лучшие традиции отечественной общественно-политической мысли – традиции гуманизма и осмысления общественных проблем с этических позиций, что нашло непосредственное отражение в их подходе к конструированию модели переустройства России, в утверждении относительности всех общественных форм перед основополагающим принципом либерализма – свободой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Б. В. Философия права русского неолиберализма конца XIX– начала XX века / Б. В. Васильев. – Воронеж, 2004.
2. Медушевский А. Н. История русской социологии / А. Н. Медушевский. – М., 1993.
3. Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца / Е. Н. Трубецкой. – Томск, 2000.
4. Пайпс Р. Струве : левый либерал. 1870–1905 / Р. Пайпс. – М., 2001. – Т. 1.
5. Петренко Е. Л. Сергей Иосифович Гессен / Е. Л. Петренко // Гессен С. И. Избранное / С. И. Гессен. – М., 2010.
6. Маклаков В. А. О Льве Толстом. Две речи / В. А. Маклаков. – Париж, 1929.
7. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек / Г. Адамович. – Париж, 1959.
8. ГА РФ. – Ф. 810. – Оп. 1. – Д. 495.
9. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – М., 2007.
10. Шелохаев С. В. Д. Н. Шипов : личность и общественно-политическая деятельность / С. В. Шелохаев. – М., 2010.
11. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М., 1991.

12. Ковалевский М. М. Обращение к великому писателю земли русской / М. М. Ковалевский // Страна. – 1906. – № 109.
13. Ковалевский М. М. Юбилей Л. Н. Толстого / М. М. Ковалевский // Русские ведомости. – 1909. – № 1.
14. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков. – М., 1990. – Т. 1.
15. ГА РФ. – Ф. 5856. – Оп. 1. – Д. 167.
16. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милюков. – М., 1993. – Т. 1.
17. Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции / П. Н. Милюков. – СПб., 1903.
18. Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России / В. И. Герье. – М., 1906.
19. Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905 / К. А. Соловьев. – М., 2009.
20. РГАСПИ. – Ф. 279. – Оп. 1. – Д. 1.
21. Франк С. Л. Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве / С. Л. Франк // Струве П. Б. *Patriotica* : политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – М., 1997.
22. Егоров А. Н. Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии / А. Н. Егоров // Российская история. – 2009. – № 2.
23. Петрункевич И. И. Из записок общественно-го деятеля / И. И. Петрункевич // Архив русской революции. – М., 1934. – Т. 21.
24. Российский либерализм : идеи и люди. – М., 2004.
25. Струве П. Б. Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности / П. Б. Струве // Струве П. Б. *Patriotica* : политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – М., 1997.
26. Либерализм в России. – М., 1996.
27. Флоровский Г. В. Памяти профессора П. И. Новгородцева / Г. В. Флоровский // Из прошлого русской мысли. – М., 1998.
28. Новгородцев П. И. Б. Н. Чичерин / П. И. Новгородцев // О свободе : антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М., 2000.
29. Пустарнаков В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в. : различия и сходства / В. Ф. Пустарнаков // Либеральный консерватизм : история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2001.
30. Ковалевский М. М. Моя жизнь / М. М. Ковалевский. – М., 2005.
31. Чичерин Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – М., 1900.
32. Кавелин К. Д. Собр. соч. : в 4 т. / К. Д. Кавелин. – СПб., 1889. – Т. 2.
33. Котляревский С. А. Защита конституционализма / С. А. Котляревский // Моск. еженедельник. – 1906. – № 25.
34. Гессен В. М. К. К. Арсеньев как публицист / В. М. Гессен // Русская мысль. – 1917. – № 2.

Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал в г. Орле)

Вострикова В. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры

E-mail: vostr68@mail.ru

Тел.: 8(862)55-64-19

All-Russian State Distance-Learning Institute of Finance and Economics (Branch in Orel)

Vostrikova V. V., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the History of Economics, Politics and Culture Department

E-mail: vostr68@mail.ru

Tel.: 8(862)55-64-19